

В.И. Молодин, Ю.Н. Ненахова[✉], Л.С. Кобелева,
И.А. Дураков, Л.Н. Мыльникова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: nenaxoffsurfut@mail.ru

Погребально-поминальные комплексы андроновской (федоровской) культуры и их место в ритуальной практике (по материалам памятника Тартас-1)

На памятнике Тартас-1, расположенному в Обь-Иртышском междуречье, исследован крупнейший некрополь андроновской (федоровской) культуры. Сакральное пространство значительной части захоронений имеет архитектурные особенности в виде различных объектов, огораживающих погребение от прочих могильных сооружений. Нами определено 67 погребально-поминальных комплексов (ППК) андроновской (федоровской) культуры. Данные сооружения неоднородны по своим конструктивным особенностям, представляется возможным систематизировать их по шести группам: кольцевые ровики правильной формы с одним разрывом; кольцевые ровики с двумя противостоящими разрывами; ровики, представленные несколькими сегментами; кольцевые ровики, состоящие из одной значительной по размерам дуги; ровики, представленные небольшими сегментами; а также конструкции с усложненной двойной, тройной оградительной системой рвов. Размеры сооружений и глубина рвов подчеркивали социальный статус умершего. Нельзя не выделить особо два самых больших ППК: 47 и 50, диаметр которых составлял 22,25 и 18,3 м соответственно. Отличались они как по конструктивным особенностям рвов, так и по заключенным в них захоронениям. Практически все комплексы сближает между собой вход на территорию сакрального пространства с восточной стороны. Именно с восходом солнца были связаны основополагающие традиции погребальной практики андроновского (федоровского) населения. Следует сказать о случаях локализации и пристройки погребально-поминальных комплексов друг к другу, носящих как линейный характер – вытянутые с севера на юг, так и аморфной формы. Подобное группирование ППК характерно для андроновской (федоровской) культуры от Зауралья до Минусинской котловины и обусловлено социальной и мировоззренческой составляющей общества.

Ключевые слова: эпоха развитой бронзы, андроновская (федоровская) культура, памятник Тартас-1, погребально-поминальные комплексы, систематизация.

V.I. Molodin, Y.N. Nenakhova[✉], L.S. Kobeleva,
I.A. Durakov, L.N. Mylnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: nenaxoffsurfut@mail.ru

Funeral and Commemorative Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Culture and Their Role in the Ritual Practice (Evidence from the Tartas-1 Site)

The largest necropolis of the Andronovo (Fedorovo) culture was explored at the Tartas-1 site which is located in the Ob-Irtysh interflue. The sacred space in large part of the burials was framed by different architectural structures separating the burial from other grave structures. We have identified 67 various funeral and commemorative complexes of the Andronovo (Fedorovo) culture. They can be divided into six groups: ring-like ditches of regular shape with one break; ring-like ditches with two breaks on the opposite sides; ditches composed of several segments; ring-like ditches constituting a single large arc; ditches formed by small segments, and structures with sophisticated double or triple ditch system. The size of the structures and depth of the ditch emphasized the social status of the buried persons. Two of the largest funeral and commemorative complexes (No. 47 and No. 50) stood out by their impressive diameters of 22.25 and 18.3 m respectively. These structures differed not only in their sizes but also in specific features of the ditch and burials they contained. Almost all complexes had the entrance to the sacred space on the eastern

side. The fundamental traditions of the funeral practices among the Andronovo (Fedorovo) population were related to the sunrise. There were cases of localization and expansion of funeral and commemorative complexes, which were both linear (elongated from north to south) and amorphous in shape. Such grouping of complexes was typical for the Andronovo (Fedorovo) culture from the Trans-Urals to the Minusinsk Basin, and resulted from the social and ideological aspects.

Keywords: Bronze Age, Andronovo (Fedorovo) culture, Tartas-1 site, funeral and commemorative complexes, systematization.

Введение

Памятник Тартас-1, расположенный в Венгеровском р-не Новосибирской обл. [Молодин и др., 2003], в настоящее время исследован полностью. В его состав вошли более 830 захоронений различных эпох и культур, а также ранненеолитическая стоянка и ритуальные комплексы эпохи финальной бронзы. Раскопкам памятника предшествовал фронтальный геофизический мониторинг, который периодически дополнялся и уточнялся (см., напр.: [Молодин и др., 2004; Балков и др., 2006, 2020; Эпов и др., 2016]).

Поверхность памятника сильно пострадала от многолетней распашки, снизившей практически полностью все наземные сооружения, которые изначально сопровождали многие погребальные комплексы, от пролегающей вдоль края террасы и по поверхности памятника дороги, связывающей с. Венгерово с соседним районным центром Чаны, от карьера для добычи грунта, использовавшегося при строительстве современной автомагистрали Венгерово – Чаны, уничтожившего южную часть памятника. Данные обстоятельства существенного повлияли на сохранность археологических объектов. По этой причине наши раскопки можно считать охранными.

На данный отрезок времени на огромной территории лесостепной части Обь-Иртышского междуречья исследовано немало курганных и грунтовых могильников андроновской (федоровской) культуры. К их числу относятся такие памятники, как Преображенка-3 [Молодин, 1985; Молодин, Кобелева, 2021], Старый Тартас-4 [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002], Погорелка-2 [Наглер и др., 2012], Вахрушево-1 [Троицкая, 1969] и др. Однако среди них андроновский комплекс памятника Тартас-1 – наибольший по своим размерам и насчитывающий 554 погребения. Более того, сегодня по своим масштабам этот памятник является самым крупным среди известных погребальных комплексов андроновской (федоровской) культуры в Азии. Данное обстоятельство позволяет уверенно говорить, что Тартас-1 по своим возможностям самый представительный источник, каждый сюжет которого нуждается в специальной проработке и в результате может быть опорным для последующих историко-культурных реконструкций.

Для получения максимально полной информации от изучаемых объектов была использована методика сплошного вскрытия всей площади памятника с выносом грунта за пределы раскопа, которая полностью оправдала себя как наиболее эффективная. Напомним,

что в результате раскопок было вскрыто 40 507,6 м² его площади.

Уже проведенный геофизический мониторинг показал наличие серии круглых аномалий, сопровождающих отдельные захоронения [Тартас-1..., 2022, рис. 11]. Впоследствии, уже при проведении планомерных раскопок, выяснилось, что на территории северной части объекта сконцентрирована серия земляных сооружений, которые были связаны с захоронениями андроновской (федоровской) культуры. Полевые материалы, собранные в ходе раскопок, позволили исследовать организацию сакрального пространства андроновского населения, оставившего могильник, с учетом выявленных и исследованных к тому времени погребально-поминальных комплексов и их специфических особенностей [Молодин и др., 2017; Молодин, Дураков, Кобелева, 2018].

Данное исследование посвящено анализу ровиков, сопровождающих на памятнике значительную серию андроновских (федоровских) захоронений, несомненно имеющих сакральный смысл. Напомним, что ограждение сакрального пространства с его главной составляющей в виде погребальной камеры (или нескольких камер) имеет место и на других могильниках означенной территории. В качестве такого ограждения выступают круглые или подчетырехугольные земляные ровики. На территории Среднего Енисея и Кузнецкой котловины, например, сакральное пространство под земляной насыпью огораживала подпрямоугольная или округлая ограда из вертикально поставленных камней [Максименков, 1978; Бобров, 2022, с. 450]. Показательно, что сакральное пространство населением андроновской культуры огораживалось далеко не всегда, и подобное положение вещей имело, разумеется, свои причины.

Конструктивные особенности ППК

Абсолютно все выявленные погребально-поминальные комплексы (далее – ППК) были приурочены к северной части памятника. Всего их здесь насчитывается 68, из них 67, вне всяких сомнений, относятся к андроновской (федоровской) культуре. Один ППК (67) принадлежал к пахомовской культуре эпохи поздней поры бронзового века. Еще один пахомовский комплекс, отмеченный двойной системой ровов, где внешний имел разомкнутую по углам подчетырехугольную форму, а внутренний – округлую, был выявлен в южной части памятника. Его анализу была посвящена специальная работа [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2011].

ППК андроновской (федоровской) культуры, как правило, состоит из одного (реже – нескольких) захоронения, обнесенного кольцевым либо подковообразным ровиком, либо системой ям, охватывающих могилу с одной стороны. Анализ ППК показал их значительную конструктивную вариабельность, позволяющую при этом наметить определенные закономерности.

Первое, что бросается в глаза, во всех (кроме одного! ППК 63) ограждающий могилу ровик (сегменты или даже сегмент) по своей форме стремится к окружности. Вместе с тем только одна такая окружность оказалась полностью замкнутой, образовав полное кольцо (ППК 1) (рис. 1, 1). Кстати сказать, планиграфически это самый южный из всей серии комплексов.

Наиболее представительная группа комплексов, состоящая из двенадцати ППК (10, 16, 23, 27, 28, 32, 37, 41, 45, 49, 50, 51), представляла собой правильной формы кольцевидные ровики, разомкнутые с восточной стороны (порой с небольшим отклонением на СВ) и имеющие здесь подобие входа на сакральную часть площадки (рис. 1, 2; рис. 2, 1а, 6а). Вариантом этой серии, очевидно, являются еще три ППК (24, 38, 59; см. рис. 1, 3; рис. 2, 2), имеющих также правильную округлую форму, но более широкий проход с востока, занимающий не менее трети всей дуги.

Другая значительная серия ППК отличается тем, что оградительное кольцо составлено из двух или трех разомкнутых сегментов ровика разной величины. Такие ППК сближают та закономерность, что восточная часть системы всегда оставалась открытой, подразумевая вход на сакральную зону пространства именно в этой части. В качестве наиболее показательных примеров таких конструкций являются ППК 2, 7, 8, 9, 20, 22, 33, 35, 42, 53, 67 (рис. 2, 1в, 3а) и др.

Особо обращают на себя внимание круглые по форме ППК,

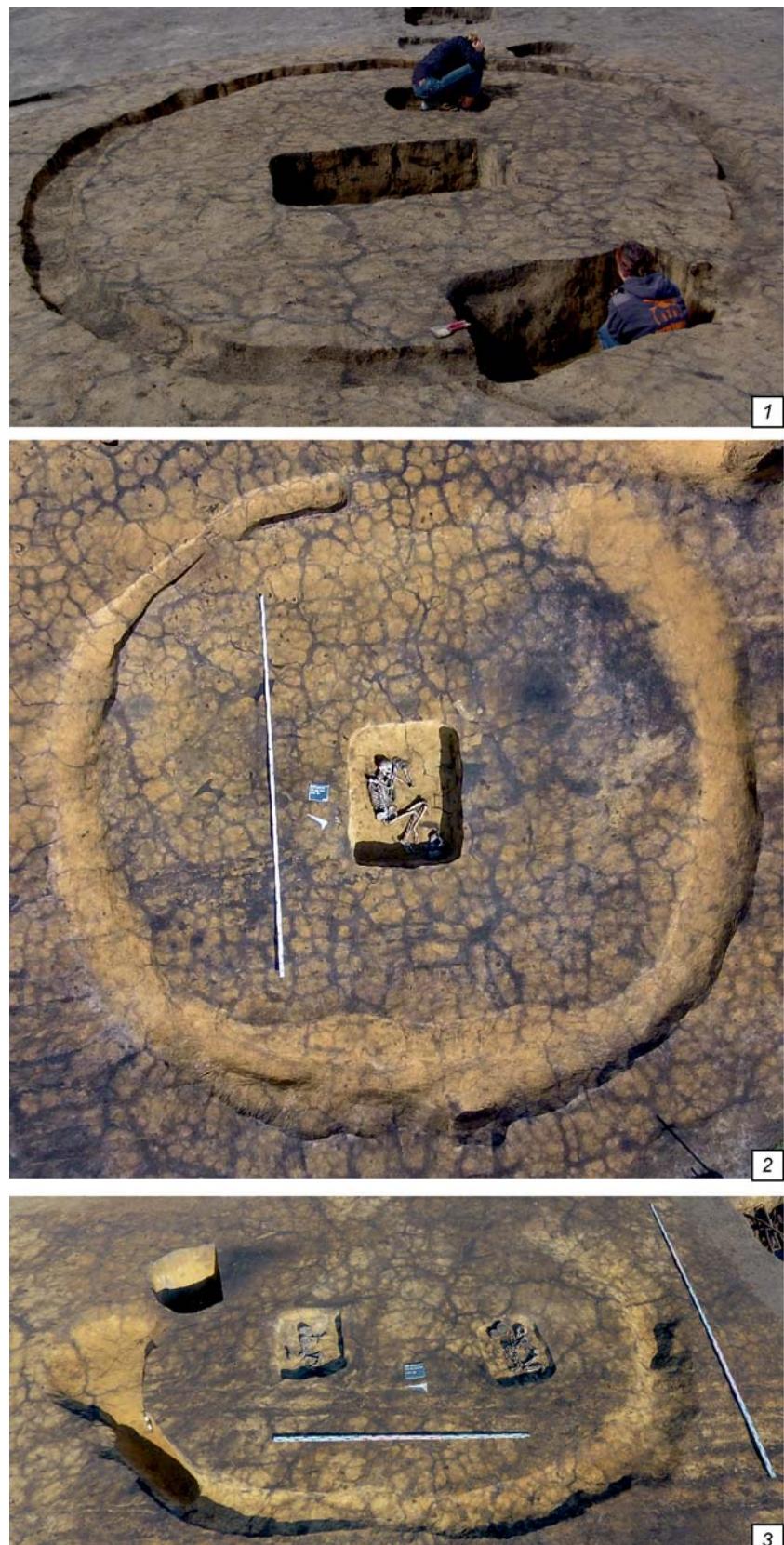

Рис. 1. Погребально-поминальные комплексы андроновской (федоровской) культуры памятника Тартас-1. Фото после выборки.

1 – ППК 1; 2 – ППК 32; 3 – ППК 59.

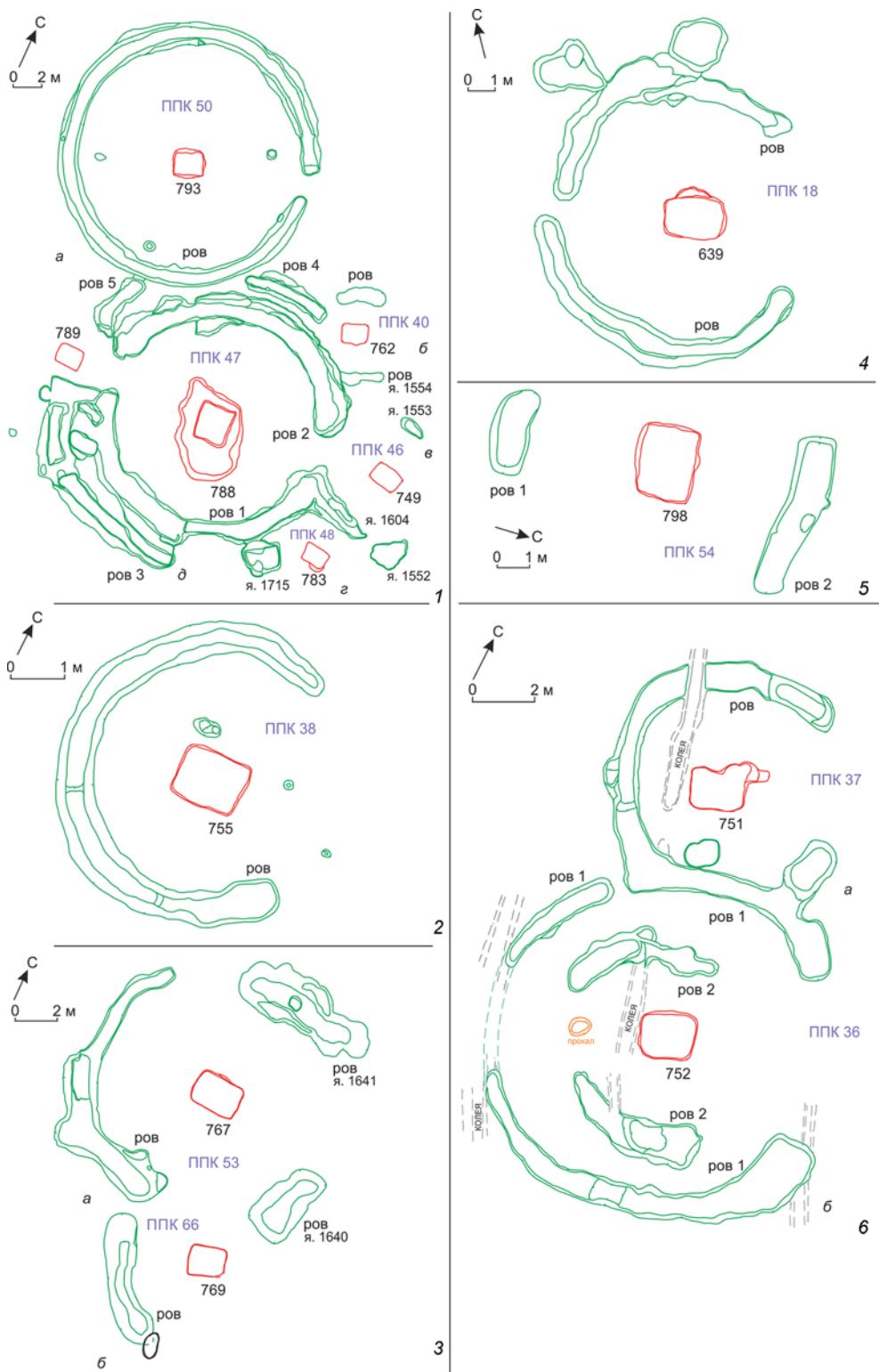

Рис. 2. Погребально-поминальные комплексы андроновской (федоровской) культуры памятника Тартац-1.
План-схемы.

состоящие из двух дугообразных сегментов, симметрично расположенных с севера и юга и имеющих проходы не только с восточной, но и с западной стороны (3, 18, 39, 40, 54, 55; рис. 2, 4, 5) – от больших дугообразных (до 26 м) до коротких (3–4 м).

Довольно представительна серия ППК, представляющих одну дугу довольно значительной протяженности, иногда как бы с удлиняющим ее небольшим сегментом, охватывающих могилу с юга (5, 6, 14), юга и запада (11, 17, 19, 64, 68), с севера (25, 34, 48).

Отчетливо выявляется серия ППК, в которых ровик по величине уменьшается до небольшого по длине сегмента, по сути, как бы лишь обозначающего намерение продемонстрировать дугу вокруг захоронения или захоронений. Большинство таких коротких сегментов выявлено с западной и северо-западной (ППК 12, 21, 29, 60, 62, 65, 66; рис. 2, 3б) либо с юго-восточной (ППК 31, 56, 58, 61) стороны от погребальной камеры.

Одной из специфических особенностей разновидностей формы ППК является небольшая, но ярко выраженная серия сооружений, имеющая двойную систему рвов. Дополнительно возведенные внутренние ровики сооружались, как правило, между могильной ямой и окружающей ее кольцевидной системой (ППК 15, 26, 36, 51; рис. 2, 6б). В одном случае (ППК 43) небольшой сегмент обносил основной ровик и захоронение с внешней стороны. К этой же группе ППК относится самое большое на памятнике сооружение 47. Его диаметр с учетом второго кольца ровиков, достигает 22,25 м (рис. 2, 1д). ППК состоит из двух дуговидных сегментов с проходами с западной и восточной стороны. С внешней стороны ров оконтурен цепочкой прерывистых сегментов. При этом в юго-западной части внешний и внутренний ровики соприкасаются (почти сливаются), оставаясь изолированными и читаемыми. Окруженная этой сложной и мощной системой рвов погребальная камера 788 отличается огромными, не типичными для андроновской культуры размерами ($2,7 \times 2,45$ м; глубина от уровня материка до 0,35 м). К сожалению, могила оказалась полностью разграбленной, однако фрагмент крупного сосуда не оставляет сомнений в ее культурной принадлежности. Кроме того, к этому ППК были пристроены с восточной стороны ППК 40, 46, и 48, отличающиеся упрощенной формой конструкций (рис. 2, 1б, в, г).

Отмечен случай, когда на ППК 30 выявлена сложная система, представляющая три разомкнутых кольца, состоящих из различных по величине дугообразных сегментов, сооруженных достаточно хаотично по отношению друг к другу.

Совершенно оригинальным для данного памятника представляется ППК 63. В этом случае могильная яма оконтурена с юга прямым ровиком. Уместно напомнить, что в андроновских (федоровских) погребальных комплексах известно немало случаев, когда сакральное пространство было оконтурено четырехугольным ровиком с разомкнутыми углами (см., напр.: [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002]).

Заключение

ППК, невзирая на свои различия в конструктивных особенностях, имели близкие данные по размерам диаметров, колеблющихся в пределах 8,5–11,0 м, крайние значения в меньшую сторону – 5,80 м, в большую –

22,25 м. На общем фоне нельзя не отметить два самых больших ППК – 47 и 50 (рис. 2, 1а, б), диаметр которых составлял 22,25 и 18,3 м соответственно. Они отличались как по конструктивным особенностям рвов, так и по заключенным в них погребальным комплексам.

В рамках огороженного сакрального пространства имелись небольшие, похожие на столбовые, ямы, реже – прокалы, следы от разведенных здесь костищ, при этом последние, как правило, расположены в местах разрывов рвов или в пространстве между его сегментами (рис. 2, 6б). Иногда следы действия огня в виде прокаленного заполнения встречались в самих ровиках ППК.

Уже отмечалось, что достаточно часто несколько ППК, причем различной конфигурации, были объединены в группы, каждая из которых представляла собой единый архитектурный ансамбль, часто занимающий значительную площадь [Молодин, Дураков, Кобелева, 2018]. Основой скопления чаще всего являлся круглый ров, охватывающий одно или несколько захоронений, а к нему примыкала серия более упрощенных ППК, состоящих из могилы и полоровика или сегмента, одним концом опираясь на центральный ров ППК. Например, такими комплексами являются небольшие группы, включающие по два сооружения (ППК 5 и 18; 6 и 7; 10 и 24; 16 и 17; 31 и 35; 36 и 37; 53 и 66). Иногда это большие крупные объединения, включающие по четыре–шесть примыкающих друг к другу комплексов (например, ППК 21, 22, 23 и 67; 27, 30, 33, 34, 41 и 43; 40, 46, 47, 48 и 50; 45, 51, 52 и 69; рис. 2, 1).

Обращают на себя внимание ППК, расположенные цепочками в ряд – 45, 51, 52, 65, примыкая один к другому с северной стороны, при этом восточная сторона всех четырех комплексов открыта.

Еще раз подчеркнем, что аналогии подобному явлению, когда обособленные ППК примыкают друг к другу, отмечены практически на всей территории распространения андроновской (федоровской) культуры от Зауралья до Минусинской котловины – Урефты I, Лисаковский-1, Былкылдак I, Аксу-Аюлы I, Бегазы, Пристань I, Сухое озеро I, Новая Черная II и пр. (см., напр.: [Степанов, Корочкова, 2006; Усманова, 2005, рис. 32, 1; 34, 3; Маргулан и др., 1966; Максименков, 1978, табл. I, XVIII, XXI]). Очевидно, что подобные группировки ППК были обусловлены определенной близостью умерших, степень которой можно попытаться определить только с применением палеогенетических анализов. Размеры ППК и глубина рвов (в совокупности), вероятно, подчеркивали социальный статус умершего.

Практически все комплексы сближают между собой вход на территорию сакрального пространства с восточной стороны. Именно с восходом солнца были связаны основополагающие традиции погребальной практики андроновского (федоровского) населения, что проявляется в ориентации как погребальных камер, так и «входа» на сакральную часть пространства ППК.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту РНФ № 23-18-00424 «Мультидисциплинарные исследования духовной культуры и первобытного искусства населения Западной Сибири и Центральной Азии в древности».

Список литературы

Балков Е.В., Карин Ю.Г., Позднякова О.А., Дядьков П.Г. Современные беспилотные технологии при археолого-геофизических исследованиях // Инженерная и рудная геофизика. Тез. докл. 16-й науч.-практич. конф. совместно с семинаром «Инженерная и рудная геология 2020». – Пермь: Изд-во ООО ЕАГЕ ГЕОМОДЕЛЬ, 2020. – С. 68.

Балков Е.В., Манштейн А.К., Чемякина М.А., Манштейн Ю.А., Эпов М.И. Опыт применения электромагнитного частотного зондирования для решения археолого-геофизических задач // Геофизика. – 2006. – № 6. – С. 43–50.

Бобров В.В. Андроновская культура // История Сибири в 4-х т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 1: Каменный и бронзовый век. – С. 450–452.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Планиграфия погребальных комплексов андроновской (федоровской) культуры на могильнике Тартас-1. К постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 290–292.

Молодин В.И., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ненахова Ю.Н., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Система организации сакрального пространства в погребальных комплексах андроновского (федоровского) населения Барабинской лесостепи. Памятник Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 358–363.

Молодин В.И., Кобелева Л.С. Детский грунтовый могильник андроновской (федоровской) культуры в Барабинской лесостепи // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. – 2021. – Т. 20, вып. 5. – С. 82–95.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Погребальный комплекс эпохи поздней бронзы на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. 2011. – Т. 10, вып. 3. – С. 100–105.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4: (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 48–62.

Молодин В.И., Софейков О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 441–446.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Михеев О.А. Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1 – С. 372–377.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновские (федоровские) курганы могильника Погорелка-2 в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 249–253.

Степанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты-1: зауральский могильник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. – 160 с.

Тартас-1 – перекресток культур и эпох / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Л.Н. Мыльникова, С. Хансен, И.А. Дураков, С. Райнхольд, Н.С. Ефремова, А. Наглер, Л.С. Кобелева, Д.А. Ненахов, Ю.Н. Ненахова, М.С. Нестерова, Д.В. Селин; отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 1. – 535 с.

Троицкая Т.Н. Памятники андроновской культуры (по материалам Новосибирской археологической экспедиции) // Из истории Западной Сибири. – Новосибирск, 1969. – С. 3–20.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский-1: Факты и параллели. – Караганда: Лисаковск, 2005. – 232 с.

Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Бортникова С.Б., Позднякова О.А., Карин Ю.Г., Кулешов Д.А. Мультидисциплинарные археолого-геофизические исследования в Западной Сибири // Геология и геофизика, 2016. – Т. 57, вып. 3. – С. 603–614.

References

Balkov E.V., Karin Y.G., Pozdnyakova O.A., Dyadkov P.G. Sovremennye беспилотные tehnologii pri arkheologo-geofizicheskikh issledovaniyakh. In *Inzhenernaya i rudnaya geofizika. Tez. dokl. 16-i nauch.-prakt. konf. sovmestno s seminarom «Inzhenernaya i rudnaya geologiya 2020»*. Perm': ООО ЕАГЕ GEOMODEL Publ., 2020. p. 68. (In Russ.). URL: http://old.archaeology.nsc.ru/ru/publish/journal/doc/2002/3/2002_113_048-062.pdf (Accessed: 23.10.2025).

Balkov E.V., Manshtein A.K., Chemyakina M.A., Manshtein Y.A., Eпов M.I. Opyt primeneniya elektromagnitnogo chastotnogo zondirovaniya dlya resheniya arkheologo-geofizicheskikh zadach. In *Geofizika*, 2006. No. 6. P. 43–50. (In Russ.). URL: <http://www.ipgg.sbras.ru/ru/science/publications/article-journal-opyt-primeneniya>

elektromagnitnogo-chastotnogo-2006-026332 (Accessed: 23.10.2025).

Bobrov V.V. Andronovskaya kul'tura. In *History of Siberia: in 4 volumes*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 1: Stone and Bronze Age. P. 450–452. (In Russ.).

Epov M.I., Molodin V.I., Manshtein A.K., Balkov E.V., Dyadkov P.G., Matasova G.G., Kazanskii A.Y., Bortnikova S.B., Pozdnyakova O.A., Karin Y.G., Kuleshov D.A. Mul'tidisciplinary archaeological-geophysical studies of the Andronovo culture in the Baraba forest-steppe. In *Geologiya i geofizika*, 2016. Vol. 57. Iss. 3. P. 603–614. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25644594_91703622.pdf (Accessed: 23.10.2025).

Maksimenkov G.A. Andronovskaya kul'tura na Enisee. Leningrad: Nauka, 1978. 190 p. (In Russ.). URL: <https://www.old.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejshije-izdanija/pdf/1978Maksimenkov.pdf> (view) (Accessed: 23.10.2025).

Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana. Alma-Ata: Nauka, 1966. 436 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985. 200 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Chemyakina M.A., Dyadkov P.G., Grishin A.E., Pozdnyakova O.A., Mikheev O.A. Arkheologo-geofizicheskie issledovaniya mogil'nika Tartas-1 v 2004 g. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004. Vol. X, pt. 1. P. 372–377. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Layouts of Funeral Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Culture from Tartas-1 Gravel: to the Problem Statement. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. XXIV. P. 290–292. (In Russ.). URL: http://paeas.ru/x/ru/2018/2018_0290-0292.pdf (Accessed: 23.10.2025).

Molodin V.I., Durakov I.A., Nenakhov D.A., Reinkhold S., Efremova N.S., Selin D.V., Nesterova M.S., Nenakhova Y.N., Hansen S., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S. System of Organizing the Sacred Space in the Burial Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Population in the Baraba Forest-Steppe Region. The Site of Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. XXIII. P. 358–363. (In Russ.). URL: http://paeas.ru/x/ru/2017/2017_0358-0362.pdf (Accessed: 23.10.2025).

Molodin V.I., Kobeleva L.S. Children's Burial Ground of Andronovo (Fedorovo) Culture in the Baraba Forest-Steppe. *Vestnik NSU. Ser.: History and Philology*, 2021. Vol. 20, iss. 5: Archaeology and Ethnography. P. 82–95. (In Russ.). URL: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/a91f008a43c1d84e748d403e9df8c5f1.pdf> (Accessed: 23.10.2025).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Funeral complex of the late Bronze Age at the burial ground Tartas-1 (Baraba forest-steppe). In *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011. Vol. 10, iss. 3: Archaeology and Ethnography. P. 100–105. (In Russ.). URL: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/b07e6a8c21bc5d25ff6c045fbde0683.pdf> (Accessed: 23.10.2025).

Molodin V.I., Novikov A.V., Zhemerikin R.V. Mogil'nik Staryi Tartas-4: (novye materialy po andronovskoi istoriko-kul'turnoi obshchnosti). In *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2002. No. 3 (11). P. 48–62. (In Russ.). URL: http://old.archaeology.nsc.ru/ru//publish/journal/doc/2002/3/2002_113_048-062.pdf (Accessed: 23.10.2025).

Molodin V.I., Parzinger G., Mylnikova L.N., Hansen S., Durakov I.A., Rainhold S., Efremova N.S., Nagler A., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Nenakhova Y.N., Nesterova M.S., Selin D.V. Tartas-1: A Crossroad of Cultures and Epochs. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 1. 535 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Sofejkov O.V., Dejch B.A., Grishin A.E., Chemyakina M.A., Manshtejn A.K., Balkov E.V., Shatov A.G. Novyj pamiatnik epohi bronzy v Barabinskoy lesostepi (mogil'nik Tartas-1). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. Vol. IX. P. 441–446. (In Russ.).

Nagler A., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Molodin V.I., Hansen S. Andronovskie (fedorovskie) kurgany mogil'nika Pogorelka-2 v Tsentral'noi Barabe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. Vol. XVIII. P. 249–253. (In Russ.). URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2012.pdf (Accessed: 23.10.2025).

Stefanov V.I., Korochkova O.N. Urefty-1: zaural'skii mogil'nik v andronovskom kontekste. Ekaterinburg: Ural. State Univ. Press, 2006. 160 p. (In Russ.). URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/68215> (Accessed: 23.10.2025).

Troitskaya T.N. Pamyatniki andronovskoi kul'tury (po materialam Novosibirskoi arkheologicheskoi ekspeditsii). In *Iz istorii Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk, 1969. P. 3–20. (In Russ.).

Usmanova E.R. Mogil'nik Lisakovskii-1: Fakty i parallel'i. Karaganda: Lisakovsk, 2005. 232 p. (In Russ.).

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>
Ненахова Ю.Н. <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

Кобелева Л.С. <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>

Дураков И.А. <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

Мыльникова Л.Н. <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Дата сдачи рукописи: 20.10.2025 г.